

Это была собака. Собака была неправильной.

Ник не мог дышать, не мог двигаться. Симоль получила обратно свои силы и использовала их, чтобы сжимать его горло. Она отлично справлялась.

Он чувствовал демона внутри себя. Он прятался, ждал. Но не этого. Нападение Симоль вызвало раздражение. Может он и не слился с демоном, как его заставили поверить (заставили поверить, ха! Это было почти смешно), но он всё же был достаточно близко, чтобы почувствовать изменение в отношении, перемену в настроении.

Он сделал всё, что мог, остальное зависело от неё.

— Ты, кажется, не воспринимаешь меня всерьёз, — сказала Симоль. Сжатие вокруг шеи Ника неумолимо усилилось, заставляя кровь гудеть в ушах.

Он сказал бы демону, что всерьёз отнестись к Симоль будет разумным решением, если бы считал, что это как-то поможет. Но он не думал, что демон был в настроении выслушивать советы. На данный момент он был более или менее зрителем.

Он хотел обратить внимание на то, что происходило, — в конце концов, это напрямую влияло на него, — но его мысли продолжали возвращаться к Виннум Роке. Если более конкретно, то к её собаке, Дане-лонг.

Она превратила эту собаку в популярную детскую историю. В существо, что приходит по ночам и крадёт детей из их кроватей. В страшного зверя.

Мопс, которого он встретил на поле, очень пугающим не был.

Могло быть сколь угодно причин для расхождения. Сказки не должны восприниматься буквально. И всё же...

Он читал и автобиографию Виннум Роке, в которой тоже была описана собака. Она была похожа на свою сказочную версию: длинноногое, волкоподобное большое животное, живущее на ферме. Рабочая собака.

Мопс под это описание совсем не подходил.

Почему собака была другой? Если она была не её созданием, возможно, это была не настоящая Виннум Роке. Возможно, женщина в коттедже была проявлением, созданным Все-Матерью. Но сделала бы она собаку неправильной? Демоны, казалось, были зациклены на деталях. У них был доступ к тем же текстам, что и у него. Возможно, они знали Виннум Роке лично. Может быть, они знали даже собаку.

А если это всё же была Виннум Роке, если женщина, с которой он познакомился, действительно была Архимагом Королевского колледжа, переместившимся сюда, чтобы не дать демонам перейти на другую сторону, то зачем она изменила свою собаку?

Часть его разума, которая всегда над чем-то работала, даже когда он был занят другими делами, работала и сейчас. Из-за этого было трудно сосредоточиться на Симоль. Вот где происходит настоящая битва. Все его выводы будут чистой теорией, если она не сможет победить демонов.

Чистая теория. Это тоже было почти смешно. Когда его жизнь была чем-то другим?

Единственное время, когда было иначе, — это когда он был с Диззи. Тогда его жизнь была полна действия. Она никогда не останавливалась. Он никогда не мог догнать её, если только она не позволяла ему это сделать. Было ли всё это частью плана?

Ему было трудно в это поверить, но потом он понял, почему это было идеальным средством против него, правильным тактическим выбором. Что-то, что уже было в форме семени и что было достаточно немного полить. Он хотел верить, что так и было, что это не поместили в него, что это всё время было там, только усиленное ради их целей.

Но желание верить не имело значения. Оно было тем, чем было. Его единственным выходом было не узнавать правду. Или сделать её лучше.

Но всё же, почему он?

Если они хотели, чтобы он был здесь, то этому должна быть какая-то причина. Демоны не делали что-то, просто чтобы попробовать. Они не действовали без причины.

А что насчёт Симоль? Вынудили ли её прийти сюда или ей было предначертано оказаться здесь? Если её перехитрили, если это тоже было частью плана, не было смысла пытаться думать о другом решении. Она и была решением. Другого способа остановить Все-Мать не было.

Он осознал, что больше не пытается дышать. Здесь у него не было тела. Ему не нужен воздух. Симоль не сжимала его дыхательные пути — она не пускала демона к его сознанию.

Это был красивый жест, но бесполезный. Им был нужен не он. И вскоре они

переориентируются на то, чтобы отнять у неё силу. Он был временным решением их власти над ней. Он подумал, что у неё может быть шанс напасть на Все-Мать напрямую, но бороться со звёздами сложно. Они так далеко отсюда.

Нику показалось, что он движется. Как будто его толкали. Вниз. Или внутрь. Он не мог сказать точно. Прочь. Да, его отталкивали. Его присутствие больше не требовалось, даже внутри его собственного тела.

Но это было не его тело. Если тела не было, тогда от чего его отделяли?

Собака, глупая собака. Она беспокоила его. Обычно, как только тест заканчивался, он не думал об ответах, которые дал. Он сделал всё возможное, и теперь ничего не изменить, так зачем тратить энергию на беспокойство?

Я правильно ответил? Я ошибся? Терзания никак не повлияют на оценку, которую он получит.

Но зачем менять собаку? Если этот вопрос до сих пор выводил его, то можно было предположить, что тест ещё не окончен. Или что он теряет рассудок и нуждается в чём-то, за что можно зацепиться. Но если это так, то он уже проиграл и думать об этом нет смысла.

Огни вокруг него начали затухать. Они производили впечатление хрустального города, который выглядел расплывчато, как будто он смотрел на него через окно. Чем менее чётким он становился, тем больше он сверкал: купола и башни светились цветными огнями. Балконы, висящие в воздухе, мосты, переброшенные через разрывы. Когда-то этот город, наверное, кипел жизнью. Теперь он медленно исчезал из виду.

Всё глубже, всё ниже. Было темно. Он не мог видеть или здесь нечего было видеть? А есть ли разница? Быть слепым и быть в месте без света — результат один и тот же.

Он услышал звук. Обнюхивание, сопение. Животное. Скулёж, царапание. Оно звучало как собака. Уловка? Ловушка? Ему было всё равно. Он последует за ней только ради того, чтобы что-то делать.

Поэтому он двинулся, не привязанный к физическому миру. Бесплотный, он мог плавать, чувство движения охватило его, темнота — словно чёрный океан. Его тело тяжелело, двигаться стало сложнее.

Он вытянул руки и нащупал стены с обеих сторон, потолок в пределах досягаемости над ним, пол, покрытый песком и грязью. Похоже, он был где-то глубоко под землёй, в туннеле, в непонятном округлом проходе. Стены были гладкими, но немного склизкими. Он не хотел думать о том, почему они такие. Казалось, туннель был наклонён вниз, в желудок зверя. Он не хотел думать о том, где он был, но не рассматривать самые ужасные варианты было невозможно.

Медленно он шагнул вперёд в темноту, напрягая слух. Туннель какое-то время продолжался, наклонённый вниз или, возможно, сделавший крюк назад. Он пытался вызвать свет, заставить его существовать, но либо здесь это было невозможно, либо он просто не понимал, как это сделать. Или, может быть, он не хотел привлекать внимание того, что здесь могло быть. Простое принуждение заставляло его двигаться вперёд.

Его нога шагнула в пустоту, и он упал с крутого склона, погружаясь всё глубже, ниже. Он завертелся, чтобы остановиться, темнота путала его гораздо сильнее, чем любая иллюзия. Он услышал приглушённый лай. Он поднялся на ноги. Он был в большей комнате, он чувствовал свободное пространство над ним и отсутствие стен.

Звук исходил слева от него. Он шёл потихоньку, ожидая очередного падения в дыру или яму, из которой он не сможет выбраться. Вместо этого он обнаружил ещё один туннель, выдолбленный в стене. Он был меньше предыдущего, и ему пришлось опуститься на четвереньки и ползти. Он искал бы другой путь, менее сужающийся проход, но впереди было мягкое свечение.

Он полз вперёд, и вдруг под ним ничего не оказалось. Он снова упал. Приземлился жёстко, ударившись лицом о землю. Было больно, даже когда он пытался убедить себя, что это не настоящая боль. Ощущения были как от настоящей боли, так что это делало её достаточно реальной.

Когда он поднял голову, он кого-то увидел. Женщину в грязной одежде и с грязным лицом. Виннум Роке, сразу понял он, но не такая, какой он видел её раньше. Не резкое и худощавое, мощное существо. Эта Виннум Роке выглядела слабой и разбитой. Она была прикована к стене, руки подняты над головой и приколоты. Над ней висел слегка мерцающий свет.

Настоящая Виннум Роке. Истина, которую он искал. Как удобно.

Ник подошёл ближе. Её голова была опущена, подбородок на груди. Она что-то бормотала. Он сел напротив неё, скрестив ноги, слегка наклонившись вперёд. Он глубоко вздохнул, позволив воздуху принести прохладу и свежесть в его лёгкие. Даже без реального тела он почувствовал облегчение от секундного отдыха.

— Я рад, что нашёл вас. Я хотел вам сказать, что эта собака очень беспокоила меня.

Она подняла голову, её глаза были красными, а губы — потрескавшимися.

— Убирайся, — хрипло прошептала она. — Собака. Уловка.

— Я знаю, — сказал он. — Да, она должна была обеспокоить меня, но она тревожила меня даже больше. Вы знаете, что я имею в виду? — Он посмотрел на неё.

Она больше не издавала болезненных звуков. Она смотрела на него; её лицо, покрытое грязью, выглядело почти как маска.

— В начале, — продолжал он, — я решил, что лучший способ преуспеть на экзаменах — это не просто выучить уроки, но и изучить учителей. Это они ставят оценки, они решают, что правильно и неправильно. Не имело значения, что я считаю правильным ответом, важным было только то, что правильным ответом считают они. Или то, в чём я смогу убедить их.

Он улыбнулся.

— Если честно, тогда я был о себе слишком высокого мнения. Хотя часть этого, возможно, была специально вызвана во мне. — Он посмотрел вниз и ногтями поковырялся в земле. — Или, может быть, мне просто нравилось так о себе думать. В любом случае, я предполагал, что большинство учителей будут экспертами в выбранной ими сфере деятельности. Эта сфера — оценка детей. В этом они будут лучше любых родителей, которые могут воспитать сколько, три или четыре ребёнка за всю жизнь? Может быть, десять или двенадцать, если им действительно нечем больше заняться. Учителя же проходят через группы из двадцати детей пять или шесть раз в день в течение многих лет. И они ограничены определёнными возрастными диапазонами, видят реакции на одни и те же раздражители, снова и снова. Если бы вы планировали провести эксперимент, такие условия были бы идеальными.

Она смотрела на него с выражением, близким к недоверию. «Беги», — было произнесено едва слышно.

— Я подсчитал, что любой учитель, работающий полный рабочий день, наблюдал бы девяносто процентов всех возможных поведений в течение первых шести лет. Те, кто сопротивляются власти, те, кто никогда не говорит, те, кто вызывают проблемы... Практически все комбинации, хорошие и плохие, должны были быть замечены. Затем будет несложным делом разработать стратегии для решения проблем. С пробами и ошибками, разумеется, но за десять лет профессиональной деятельности у учителей должны быть не только решения, — опыт должен был научить их распознавать признаки ещё до того, как появятся проблемы.

— Они хотят, чтобы ты был здесь, — сказала она, и её голос был очень настойчив.

— Подождите. Позвольте мне высказать свою мысль. Итак, не только у них есть такая замечательная возможность, но и у меня было дополнительное преимущество — увидеть всю прогрессию. В то время как учителя всегда учат детей одного и того же возраста, мои учителя были на разных этапах своих карьер. Молодая женщина, только начавшая преподавать, старик, скоро уходящий на пенсию, и всё между ними. Подтвердить мою теорию не составило бы труда. Но я ошибся. Они не стремились совершенствовать своё ремесло. Они потеряли интерес. Им было всё равно, что делают ученики. Это было не тем, ради чего они стали учителями.

Он развёл руки в стороны, чтобы показать, что он так же озадачен, как и она. Хотя её недоумение, возможно, было связано вовсе не с этим.

— Я не могу точно сказать, почему. У меня есть ряд теорий, но куда практичнее было использовать то, что я узнал, а не понять это. Я могу поделиться с вами некоторыми идеями, если хотите.

Она ничего не сказала.

— Возможно, им не хватало времени, чтобы что-то изменить. Или, может быть, их влияние было недостаточно велико. Может быть, к тому времени, когда дети добрались до них, уже было слишком поздно. Говорят, что в семь лет характер ребёнка уже сформирован. А, может быть, им просто было плевать, когда дело касалось не их собственных детей.

— Что я мог сказать, так это то, что для большинства из них работа заключалась в том, чтобы ученик к окончанию учёбы всё ещё дышал и держал в руках как можно больше сертификатов. Простая измеримая метрика успеха.

— Для учителя это должно быть тяжело — так много знать, научиться конкретному способу передачи этих знаний, а затем столкнуться с таким множеством разрозненных умов, которым и нужно их передавать. Это ошеломляет, полагаю. Особенно если это казалось таким ясным и очевидным.

Он посмотрел на неё.

— Собака. Это не ваша собака. Но она привела меня к вам. Это бессмыслица. Если вы сделали её такой, чтобы привлечь внимание, то демоны заметили бы ошибку. Если они создали её, чтобы одурачить меня и привести сюда, то они заманили меня с помощью лжи. Они так не действуют. Они заманили бы меня с помощью истины. Возможно, это сработало бы, будь я демоном. Их внимание можно привлечь хорошо составленной ложью. Однако я не демон. И вы тоже. Я знаю, что вы отправили собаку. Я знаю, кто вы и почему вы здесь. Кажется, я знаю, почему вы хотели, чтобы здесь были демон и Симоль, но сомневаюсь, что вы хотели, чтобы здесь был я. Все-Мать послала меня, потому что вы солгали ей.

— Она солгала мне, — сказала Виннум Роке и исчезла. Мгновение назад она была там, а затем её не было. Ник вздохнул. Он вытащил из-под себя ноги и вытянул их, прислонившись спиной к стене.

Его тело не могло устать. Его тела нигде не было поблизости. Он надеялся, что на его лице не нарисованы усы в форме пениса.

Теперь, когда он понял, почему Все-Мать послала его сюда, он решил, что хотел бы вернуться. Он не хотел оставаться здесь, где бы он ни был. Он хотел вернуться домой.

Он открыл глаза. Он посмотрел на звёзды. Они не были настоящими, как те, что остались дома. Они двигались, когда он слишком долго смотрел на них, как будто они не ценили пристальный осмотр.

Он больше не ощущал в себе демона. За время его отсутствия произошли события.

Было много шума. Симоль стояла к нему спиной, её руки были вытянуты перед ней. Из её ладоней вырывался луч синего света, издавая ужасный жужжащий звук, который становился тем громче, чем дольше он смотрел на луч. Вероятно, была причина, по которой его наблюдение влияло на громкость, но он сомневался, что это важно.

Он поднялся на ноги. Симоль сосредоточила всю мощь своей ужасной силы на министре Делкруа. За время небольшой экскурсии Ника он прибыл сюда, был захвачен демоном, а затем началось сражение.

Симоль изливала свою ярость с беспощадной несдержанностью, а министр спокойно наблюдал из-за стены тёмных фигур.

Их было несколько десятков, а может, и сотен. Они перемещались вокруг него, поглощая всё, что Симоль бросала на них.

— Симоль, остановись.

Она не слышала его из-за шума, который производила наполненная арканумом атака.

— Симоль... — Он встал перед ней.

Луч ударил его в грудь. Всё его тело наполнилось синим светом, он мог видеть его вокруг себя, словно он был проглочен фантомом. Сила луча была огромной. Каждая частичка Ника дрожала, но так быстро, что это было едва заметно.

Свет побежал вниз по нему, в ноги, в землю, обратно туда, откуда он пришёл.

— Симоль, остановись. Это то, чего она хочет. Ради этого она привела тебя сюда.

Симоль посмотрела на него, её лицо было искажено от боли от испытываемого напряжения.

— Я не могу.

Ник кивнул, понимая. Она попала в какую-то петлю. Арканум был настолько силён, что пробивался через неё как вода через трещину в плотине.

Он потянулся и схватил свет, бьющий ему в грудь, держась за него как за трубу. Он изогнул его под прямым углом так, что луч оказался направлен вверх, стреляя в воздух, разбрызгиваясь, словно фонтан. Затем он снова изогнул его, чтобы он указывал на Симоль. В тот миг, когда луч

коснулся её, он исчез.

Симоль отшатнулась.

— Нет! — воскликнул голос позади него.

Ник повернулся и подошёл к Делкруа. Его призраки до сих пор кружили вокруг него. Его глаза горели ярко-синим.

— Что, если бы был только один из вас? — сказал Ник.

Призраки собрались вместе, как солдаты, которым сказали встать по стойке смирно. Казалось, что теперь был только один призрак, парящий перед Ником. Когда он наклонился в сторону, он увидел, что призраки выстроились один за другим в линию, устремившуюся вдаль, словно два зеркала были расположены друг напротив друга. Был один призрак. Множество одних призраков.

— А что, если вас много? — предложил он.

Они разбили строй. Синие частички плавали вокруг них, наполняя воздух. Оседали как снег на землю, которая поглощала их со вспышками света.

Делкруа подошёл к нему. Он выглядел как человек, стоящий на переднем плане картины. Он действительно был здесь. У него в руке был нож. Чёрный кинжал. Он не был духом, часть его души показывала себя. И демон контролировал его.

— Прежде чем ты убьёшь меня, — сказал Ник, — кажется, я задолжал тебе конец истории.

Делкруа остановился.

— Покончи с ним, сейчас же! — раздался голос.

Делкруа не подчинился. Демон ждал Ника.

— Зелёный Демон пытался стать человеком, сделал всё возможное, чтобы завоевать их доверие, но ему пришлось выучить один последний урок. Он должен был научиться лгать. А чтобы лгать, нужно знать правду. Но Зелёный Демон не хотел верить правде, и поэтому он никогда не сможет лгать.

— Какой правде? — спросил демон, его голос звучал странно женственно из рта Делкруа.

— Они никогда не оставляли тебя. Это ты единственный, кто остался.

Кинжал выпал из руки Делкруа.

— О чём это ты? — сказала Симоль. — Как он может быть единственным? Как насчёт Все-Матери? — Она указала наверх. — Как насчёт их всех?

— Все-Мать не демон. Думаю, она больше опекун. Опекун, который с треском провалился. А это, — указал он наверх, — не Все-Мать. Это Виннум Роке. Она поменялась местами с Все-Матерью, заключила с ней какую-то сделку. Виннум Роке хотела достичь звёзд, настоящих звёзд. Точно не знаю, что она думала там найти: может быть, разумную жизнь, в отличие от того, что она нашла здесь. Тебе нужно прочитать её автобиографию. Она не была очень высокого мнения вообще о ком-либо.

— Но что случилось с другими демонами? — спросила Симоль.

Ник пожал плечами.

— Магами не рождаются, их создают. Я не знаю, что они делают в Королевском колледже, но я понимаю, почему они так скрытничают насчёт этого. Он может знать. — Он указал на Делкруа. — Разрешешь ему говорить?

Делкруа несколько секунд стоял неподвижно, а затем обмяк. Его кожа приобрела болезненную бледность. Ему было ужасно больно, это было ясно видно.

Он огляделся вокруг, увидел Ника, а затем пошатнулся, как будто собирался упасть. Ник бросился вперёд, но министр поднял руку, чтобы отстранить его.

— Моя дочь...

— Она не здесь, — сказал Ник.

— Где?

— В Ренсоне. В безопасности. Сравнительной.

Он кивнул, облегчение отразилось на его лице, которое затем снова было переполнено болью. Он повернулся и посмотрел на призраков. Затем на то, что было за ними.

— Я слышал об этом месте. Оно не похоже на то, что я себе представлял.

— Министр, вы знали? О демонах?

Он выглядел непонимающим.

— Знал что?

— Королевский колледж. Что они сделали. Вы видели?

Он покачал головой.

— Я не знаю, о чём ты говоришь. — Он рухнул на одно колено, закашлял и захрипел.

— Что с ним не так? — спросила Симоль.

— Он умирает, — сказал Ник.

— Разве ты не можешь спасти его? Как вдруг оказалось, ты довольно хорошо понимаешь, как использовать арканум, — произнесла она обвинительно, как будто он всё время скрывал это от неё.

— Это арканум убивает его. Ещё больше арканума ему не поможет.

— Но, конечно...

— Он прав, — сказал Делкруа, поднимаясь. — Нет смысла предлагать воду тонущему человеку. Подойди ближе, мальчик. Моя дочь, ты должен... — Его одолел ещё один приступ кашля.

— Что они делают с демонами? — спросил Ник. — В Королевском колледже. Как они превращают вас в магов?

Делкруа покачал головой.

— Это секретный процесс. Во время него я был без сознания. Лишь немногие знают правду.

— Но где-то в колледже есть место? Место, к которому лишь у этих немногих есть доступ?

Делкруа кивнул.

— И ты понятия не имеешь, что там? — сказала Симоль с сомнением.

— Я ему верю, — сказал Ник.

Делкруа снова начал кашлять. Кровь брызнула изо рта. Он вытер её тыльной стороной ладони.

— Они привели меня сюда, зачем?

— Использовать вас против магов. Против драконов.

— Понятно. Да. Имеет смысл. — Он поднял руку, и в ней был кинжал с тёмным лезвием. Столь же быстро, как он появился, он исчез в его груди.

Кровь брызнула струёй и замерла в воздухе. Лицо министра изменилось, кожа натянулась почти до боли.

— Ты думаешь, что можешь здесь забрать свою собственную жизнь? — сказал демон.

— Отпусти его, — сказал Ник. — Кто-то другой может использовать его против Все-Отца, если этого не сделаешь ты.

— Этими «кто-то» можем быть мы, — сказала Симоль.

— Он нам не нужен, — сказал Ник. — У нас есть ты.

Министр Делкруа был таким же застывшим, как и его кровь.

— Что ты сделал? — сказал демон, голос выходил между неподвижных губ.

— Ты не можешь удерживать его в живых, — сказал Ник. — Это не твой выбор.

— Ты думаешь, что его сердце перестанет биться, пока он находится в моих руках? — спросил демон.

— Ты провёл среди нас достаточно времени, — сказал Ник. — Ты хоть раз слышал, чтобы пролитая кровь вернулась во вскрытую вену?

Кровь вытекла, и министр упал на землю.

— Ты только что преодолел волю демона? — спросила Симоль.

— Да. Прямое противоречие — это их слабость. Не волнуйся, я могу делать так только здесь. Вернувшись домой, ты всегда сможешь раздавить меня как жука.

Симоль фыркнула.

— Рада это слышать. Неужели было необходимо дать ему умереть?

— Его невозможно спасти. Это лучше альтернативы, — сказал Ник.

— Хочу посмотреть, как ты убедишь в этом девушку.

Она было права. Он бы предпочёл избежать этого, но он сомневался, что у него получится.

Ник вздрогнул, когда что-то прошло через него.

— Ты вырос, детёныш. Насколько сильнее ты стал. Насколько лучше стало быть рядом с тобой.

Ощущения были такие, будто когти погрузились в его кожу, в его плоть.

— Подожди. Сначала ты должен поговорить с тем, кто призвал тебя. Она по какой-то причине хотела, чтобы ты был здесь. Посмотри, — сказал он, — это Все-Мать?

Крыша была полна мерцающих огней. Они молча смотрели. Он чувствовал, как демон сопротивляется истине и страдает из-за этого.

— Хорошо, — сказал Симоль. — Как только ты будешь готов. — Она сделала шаг назад.

Ник посмотрел на неё.

— Ты не собираешься помогать?

— Что я могу сделать? Это ты здесь обладаешь силой.

— На самом деле нет. Я просто понимаю, как это работает. А она никогда не понимала. Виннум Роке заключила сделку с Все-Матерью. Корабль для нашего мира. Только ей стало всё так легко даваться, что она никогда не потрудилась попытаться понять, что она делает. Для неё это всегда было очень просто: моя правда лучше твоей правды. Здесь, в месте с неограниченным арканумом, это не работало. Всякая правда была такой же сильной, как и все

прочие. Трудно было двигаться в одном направлении очень долго. Это становится проблемой, когда ты на корабле. Экипажа нет, знаний, как поднять якорь или наполнить паруса, тоже нет.

— Она хотела пойти к звёздам, — сказал Ник, разводя руки в сторону. — Она добралась только до огней на потолке. У неё никогда не было хорошего воображения.

— А как же её книга сказок? — спросила Симоль.

— Не думаю, что их написала она. А вот автобиографию написала определённо она.

— Но ты понял, как использовать здесь арканум. Почему она не смогла?

— Я как будто был готов к этому месту. Наверное, поэтому она прислала меня сюда. Мне всегда было очень ясно, что существует более одной истины и что они могут сосуществовать вместе. Верна ли дата из книги? Да, это ответ, который ты должен дать в тесте. Верна ли другая дата из запрещённой книги? Да, имеет смысл скрывать дату, которая разоблачает, что кто-то не был отцом этого человека, хотя было заявлено обратное. Могли ли эту дату подделать, чтобы вызвать проблемы у этой семьи? Да, ложь можно сделать такой, что она будет казаться настоящей. Могли ли воспользоваться правдой, чтобы вызвать те же самые проблемы? Да, ведь то, что факт используют как оружие, вовсе не означает, что он не правдивый. И так далее. Всё это может быть частью одной и той же реальности. Здесь они могут существовать одновременно, если ты сможешь собрать их вместе.

— Да, — произнёс голос сверху. — Теперь я понимаю, почему она отправила тебя.

Звёзды двигались вместе, образуя форму. Это была человекоподобная фигура, позади неё стелились завитки синего света, и она будто спускалась к ним по невидимым ступенькам.

Фигура по мере приближения становилась всё более узнаваемой. Девушка. Диззи. Только её волосы были изящно скручены вокруг шеи. Глаза подведены чёрным. Губы окрашены в красный. Когда её форма сложилась, её тело было едва прикрыто атласным платьем, которое, казалось, было сшито из галактики.

— Пойдём со мной. Вместе мы сможем достичь звёзд.

— Ха, — громко усмехнулась Симоль. — У тебя действительно не очень хорошее воображение, да? Ему всё равно, как она выглядит. Если бы он хотел красивую девушку, он бы лобызал мои ноги.

— О чём это ты? — сказал Ник. — Ты не считаешь, что она привлекательная? — Его охватило ужасное чувство, что было изменена не только его страсть к Диззи.

— Она прекрасна, если тебе такое нравится, — сказала Симоль. — Она так же хороша, как,

знаешь, скорпион в пустыне.

Ник нахмурился. Он хотел, чтобы она объяснила свою аналогию, но сейчас, вероятно, было не лучшее время.

— Я...

— Не отвлекайся на свою любовную жизнь, — сказала Симоль. — Слушай, старуха, что ты и мой отец делали в Королевском колледже? И если магов можно только создать, а не родить, то как тогда объяснить меня?

— Кто твоя мать, Симоль? — спросил Ник.

Этот вопрос застиг её врасплох.

— Я... я не знаю. Мой отец всегда говорил... Он лгал мне. Он всегда лгал, и я всегда знала это. Подожди, ты же не хочешь сказать, что это она? — Она указала на образ Диззи.

— Виннум Роке? — сказал Ник. — Нет. Она ненавидит детей.

— Я не ненавижу их, — сказала Виннум Роке. — Мне просто не нравится быть рядом с ними. Встреча с вами двумя, конечно же, не изменила этого. Но мы должны постараться поладить, учитывая, как много времени мы будем проводить вместе.

— Нет, спасибо, — сказал Ник.

— Она буквально не понимает, что люди испытывают чувства, отличные от её собственных? — сказала Симоль. — Нам, детям, тоже не очень нравится быть рядом с тобой. Я, пожалуй, пас.

— Ты пришёл сюда, чтобы найти ответы, и теперь ты их не возьмёшь? — Она, возможно, выглядела как Диззи, но голос был слишком величественным.

— Цена слишком высока, — сказал Ник.

— Ты не знаешь, что я попрошу.

— Я знаю, чего это стоило вам. Я сомневаюсь, что вы захотите уйти в минус.

— Ты не хочешь знать, что находится в Королевском колледже?

— Я уже знаю, — сказал Ник. — Я просто хотел узнать, знал ли он. — Он посмотрел на Делкруа.

— Тебе больше некуда идти, — сказала Виннум Роке.

— Мы можем пойти куда угодно, — сказал Ник. — И вы тоже. Здесь никогда не было нужды в демонах или использовании Симоль для преобразования арканума в чистую силу. — Он указал на теперь тёмную крышу. — Вы ограничили свои собственные цели.

Крыша треснула, разбилась, распалась на миллионы, миллионы крошечных кусочков, которые падали в ливне сверкающей пыли.

Больше не было заполненного звёздами неба. Не только над ними, но и во всех направлениях.

— Вам больше не нужен корабль. Вы были здесь так долго, что теперь состоите из арканума. Идите туда, куда хотите. Я собираюсь домой.

— Как? — спросила Симоль.

— Так же, как он попал сюда, — сказал Ник, опустившись на колени рядом с Делкруа. — Ты должен пойти с нами. Мы можем использовать твою помощь в Королевском колледже. И у тебя, вероятно, есть вопросы, которые ты хочешь задать Все-Матери.

Демон, чьё присутствие внутри него было едва заметно, вздрогнул. Он воспринял это как «да».